

В. Е. НАУМЕНКО

ХАЗАРСКИЙ “ТУДУН” В ХЕРСОНЕ В НАЧАЛЕ VIII в.: ВИЗАНТИЙСКАЯ ВЕРСИЯ

Проблема статуса областей Таврики в системе взаимоотношений Византийской империи и Хазарского каганата остается недостаточно изученной в современной историографии. Традиционные представления о том, что сфера влияния каганата ограничивалась, главным образом, восточной частью полуострова, в то время как проводником политики империи в регионе оставался Херсон, к которому экономически и политически тяготели области горного и южнобережного Крыма, не отражают, в полной мере, их эволюцию, а также специфику политико-административного статуса областей полуострова, оказавшихся в зоне контактов Византийской империи и Хазарского каганата¹. В задачу настоящей работы не входит рассмотрение поставленной проблемы в полном объеме, то есть на всем протяжении византийско-хазарского противостояния в Крыму. Остановимся лишь на некоторых вопросах, связанных с наиболее ранним опытом взаимоотношений империи и каганата на полуострове, который вылился в реорганизацию в начале VIII в. верховного управления в Херсоне – традиционном центре византийского присутствия в Таврике.

Основным источником по интересующему нас вопросу является хорошо известный рассказ о пребывании в ссылке в Херсоне императора Юстиниана II (685-695; 705-711), возвращении его на византийский престол и последовавших затем “карательных” экспедициях в Крым, который сохранился в “Хронографии” Феофана (около 815 г.) и в “Бревиарии” Никифора (780-е гг.) [3, с. 62-65, 163-166; 4, р. 101-105, 107-113]². Безусловно,

¹ Об особенностях внешнеполитических доктрин Византийской империи и Хазарского каганата на юге Восточной Европы в целом см.: 1, р. 109-132; 2, с. 336-345.

² Некоторую дополнительную информацию об этих событиях в Таврике можно почерпнуть также из “Кратких исторических записок”, анонимной византийской хроники, составленной в 742-746 гг. В новелле № 37 хроники упоминается имя хазарского кагана, на сестре которого был женат Юстиниан II [5, S. IX, 136; 6, с. 9-10; 7, с. 130; 8, р. 182-183]. О проблемах датировки, структуры и достоверности сведений данного источника см. соответствующий раздел недавней монографии А.П.Каждана [9, с. 396-403]. Ошибочной является версия армянского историка Левонда (VIII в.) о том, что болгарский правитель Тервель, с помощью которого опальный император вернулся на престол в 705 г., являлся хазарским полководцем [10, с. 176; 3, с. 127]. В “Истории” Льва Диакона (ок. 990 г.) сообщается о бегстве Юстиниана II из Херсона “к Меотиде” [11, с. 56], в так называемой “Хронике Симеона Логофета”, составленной в начале правления Василия II (976-1025) [12, с. 94-95; 13, с. 90-94; 14, с. 343] – “в Хазарию” [15, с. 192; 113, р. 81]. Более поздний компилятор Феофана, Георгий Кедрин (рубеж XI-XII вв.), отмечал, что убийство Юстиниана II, во время его пребывания в Фанагории, было поручено каганом своим людям [3, с. 126; 16, с. 187].

это наиболее раннее достоверное упоминание хазар применительно к истории Таврики в письменных источниках³. Данный сюжет в целом является основой для реконструкции ее политической и административной истории в конце VII – начале VIII вв. Он неоднократно комментировался в специальной литературе, что избавляет нас от необходимости его подробного пересказа. С другой стороны, исследователи по-разному интерпретируют сведения византийских авторов.

При оценке общеполитической ситуации в регионе в современной историографии доминирующей является точка зрения, предполагающая появление хазарского наместника на Боспоре уже в конце VII в., после 705 г. – в Херсоне, и раздел сфер влияния между Византией и Хазарским каганатом после событий 711 г. Согласно этому “договору”, Херсон остался в составе империи, остальная же часть полуострова перешла под контроль каганата [26, с. 180; 27, с. 270-274, 280-284; 28, с. 143-146; 19, с. 36-40; 29, с. 27-28; 30, р. 171-174; 8, р. 60]. Форма зависимости последней от хазар определяется как “протекторат” [20, с. 196-201; 16, с. 185-197; 31, с. 112]. К этой гипотезе близка позиция В.Г.Васильевского и А.А.Васильева, для которых хазарское господство, установившееся на Боспоре и на короткое время в Херсоне, распространилось на Готию, в виде “протектората”, лишь в 80-х гг. VIII в. [32, с. 118-121; 15, с. 186-196]. Для формирования иного подхода в новейшей отечественной историографии, при объяснении политико-административного положения областей южной части полуострова, оказавшихся в зоне византийско-хазарских контактов, важную роль сыграли работы А.Г.Герцена. По его мнению, статус указанных территорий может быть обозначен термином “византийско-хазарское пограничье”, проходившее вплоть до середины X в. по ряду горных и приморских крепостей Таврики и постоянно менявшее свои очертания [33, с. 136-138; 34, с. 58-64]. Отсюда, как нам кажется, проистекает гипотеза о существовании византийско-хазарского кондоминиума (“совладения”, системы двойного управления) в ряде областей Крыма приблизительно с рубежа VII-VIII вв. вплоть до появления феми Климатов около 841 г. [35, с. 42-46; 36; 24, с. 220-225; 2, с. 349-355]. Следует отметить, что “двойственность” институционального положения того же Херсона в это время подчеркивается некоторыми современными зарубежными исследователями [37, с. 297-298; 38, с. 308-309; 39, с. 315]. Особая точка зрения представлена в работах И.А.Баранова и А.В.Гадло. По мнению первого, на Боспоре с начала VIII в. существует византийско-хазарское двоевластие, остальные территории Таврики находятся под юрисдикцией Византии. Лишь около 740 г. хазары аннексируют Восточный Крым и Готию. Противоречит сведениям письменных источников предположение исследователя о том, что “тудун” византийских источников является

³ Из числа источников, которые свидетельствуют о появлении хазар в Таврике уже в середине VII в., следует исключить письма папы Мартина, находившегося в Херсоне в ссылке с 15 мая по 9 сентября 655 г. [17, с. 173-190]. Жалобы опального иерарха на недостаток и дороговизну продуктов питания в Херсоне объяснялись некоторыми исследователями резким сокращением торговых связей города со своей земледельческой округой, вызванным вторжением в Юго-Западную Таврику хазар [18, с. 469; 19, с. 37; 20, с. 195-196]. В действительности, проблемы Мартина с обеспечением продовольствием связаны с недостаточной аграрной базой самого Херсона, экономика которого традиционно была ориентирована на импорт хлеба, оливкового масла, вина из других провинций Византийской империи. Не следует забывать о том, что пребывание папы в Таврике совпало с летним периодом времени, когда урожай нового года еще не собран, а предыдущий уже был на исходе. Наконец, определенную роль могли сыграть напряженные, как отмечено в письмах, отношения Мартина с местными властями и клиром [21, р. 320-323; 22, с. 31; 23, с. 115-116; 24, с. 214-215; 16, с. 170]. Об ограниченности сельскохозяйственной базы Херсона в более раннее время см.: 25, с. 66-70.

собственным именем тюрка, находившегося на византийской службе в Херсоне в это время [40, с. 146-148; 41, с. 139]. Наконец, А.В.Гадло допускает, что только карательные экспедиции Юстиниана II спровоцировали вторжение хазар в Восточную Таврику [42, с. 25, 30].

Наиболее общие выводы относительно политической ситуации в Таврике в начале VIII в., которые следуют из анализа приведенных отрывков византийских источников, на наш взгляд, очевидны. Во-первых, тот факт, что экспедиции Юстиниана II были направлены против "херсонитов, босфорян и остальных климатов", а также то, что в кульминационный момент восстания "херсониты и жители других крепостей" с примкнувшими к ним византийской армией и флотом провозгласили *нового императора* (Вардана-Филиппика) слабо согласуется с представлениями о значительном военно-политическом присутствии хазар на полуострове и территориальном подчинении Крыма каганату. Скорее, наоборот, жители Таврики продолжали ощущать себя составной частью Византийской империи. В событиях 711 г. не следует видеть византийско-хазарский конфликт или стремление "архонтий" Крыма выйти из состава империи. Причиной выступлений являлось недовольство политикой конкретного василевса, Юстиниана II, и не более того [43, с. 24; 2, с. 348]. Исходя из этого, государственный переворот Вардана-Филиппика представляется одним из многих, имевших место в Византии в 695-717 гг. [44, р. 15]. Во-вторых, участие хазар в событиях 711 г. ограничивается приглашением их восставшими в качестве дополнительной военной силы за определенную денежную компенсацию. Ясно, что территория полуострова не входила в сферу прямого контроля хазарским каганом или его наместниками. Не случайно, бежавший к нему Юстиниан II был поселен в Фанагории, ближайшем по отношению к византийской Таврике административном пункте, управлявшемся хазарским наместником. Тем не менее, такие заключения требуют объяснения некоторых спорных свидетельств источников, которые в специальной литературе обычно привлекаются в качестве доказательства "хазарской оккупации" или "хазарского протектората" прибрежных и горных областей Крыма к концу VII – началу VIII вв. Среди них наиболее важным является, как нам представляется, упоминание Феофаном и Никифором хазарского "тудуна" в числе высших муниципальных должностей Херсона между 705 и 711 гг. Попытаемся проанализировать содержание этой должности и определить, что означало ее появление для политико-административного статуса Херсона в это время.

Специальная сводка упоминаний титула "тудун" в источниках осуществлена Д.Моравчиком и П.Голденом [5, S. 317-318; 8, р. 215-216]. Так называли провинциальных наместников в составе администрации кочевых империй авар, кек-тюрок и хазар [45, с. 134-135; 46, с. 212-213; 47, с. 39-45; 15, с. 195-197; 113, р. 84-85; 48, с. 63; 30, р. 174; 49, р. 763. 24; 3, с. 64, 164-165; 8, р. 215-216; 50, с. 35; 4, р. 108-111; 10, с. 144; 51, с. 217-219; 52, с. 102-120; 53, с. 154, 157; 54, с. 280]. "Тудун" византийских, латинских, арабо-персидских, армянских авторов ведет свое происхождение от тюркского титула "тутун" ("тутук"). Последним обозначен правитель пограничной области в трактате "О чинах и званиях" древних тюрок, включенном в китайские исторические сочинения X-XI вв. [53, с. 154, 157]. "Тутун" ("тутук"), в свою очередь, происходит от китайского термина "дуду" с аналогичным значением [52, с. 118]. Место и функциональные обязанности чиновника с титулом "тудун" – "тутун" – "тутук" в системе управления Тюркским каганатом завоеванными областями с иноэтничным населением наиболее точно показаны в китайской хронике X в. "Цзю Тан шу" ("Старая история династии Тан"): "Все ваны [правители] государств Западного края

были пожалованы титулом эльтебер, и при этом к каждому был послан один человек в чине тулука для того, чтобы надзирать за ними, и управлять ими, взыскивать с них налоги” [52, с. 120]. Таким образом, изначально, одной из важнейших функций “тудуна” был контроль за точным исполнением *фискальных* обязательств правителей подчиненных народов [51, с. 217, 219]. Однако, постоянное присутствие в иноэтничной среде закономерно превращало его в полномочного представителя тюркского кагана, своеобразного посредника между последним и населением зависимых областей, который мог, от имени своего патрона, исполнять и другие функции, вплоть до вмешательства в управление ими.

Для византийских авторов указанный титул являлся, безусловно, заимствованием в результате непосредственных контактов Империи с представителями кочевого мира. Попыткой осмысления его содержания выглядит использование в тексте параллельной, понятной византийцам, административной титулатуры. Феофан называет “тудуна” “архонтом” (правителем) и “эк просопу” [3, с. 64], Никифор – только “архонтом” [3, с. 164; 4, р. 108-109], автор греческого словаря X в. – “топотеритом” [49, п. 763. 24]. Остановимся на содержании должностей, так как титул “архонт” употреблен здесь византийскими авторами, вероятно, в самом общем значении слова – “правитель”⁴.

’Ек просытов. Трудности, возникающие при определении места чиновника, отмеченного данным титулом, в византийской административной иерархии и функций, исполняемых им, неоднократно подчеркивались в историографии [58, с. 209; 59, р. 361; 60, р. 36, 39-42, 72; 56, р. 342; 61, с. 79]. В целом, любое должностное лицо, независимо от своего ранга и рода деятельности, назначенное императором, могло считаться его *’Ек просытов*. В то же время, высшие чины империи имели и собственных *’Ек просытов*. В тактиконах Ф.И.Успенского (ок. 842-843 гг.), Филофея (ок. 901 г.), В.Бенешевича (между 934 и 944 гг.), в трактате Константина Багрянородного “О церемониях византийского двора”, содержащих полный список должностных лиц государства для своего времени, наряду с *’Ек просытов фем* [62, с. 116; 56, р. 52-53, 102-103, 114-115, 140-141, 144-145, 248-249] упоминаются *’Ек просытов стратега* [56, р. 230-231]. Комментируя эти свидетельства нарративных источников, следует согласиться с мнением тех исследователей, которые полагали, что *’Ек просытов стратега* являлись представителями стратига фемы с полным объемом полномочий на ограниченной части военно-административного округа: своеобразные *гипостратеги*, т.е. стратиги более низшего ранга [60, р. 39-40; 56, р. 342]. Отсутствие этой должности среди штатных чиновников, подчиненных стратигу фемы (Тактикон Филофея) [56, р. 108-111], делает вероятной гипотезу Н.П.Лихачева о ее временном, чрезвычайном характере [58, с. 209]. В этом случае, они являлись непосредственными представителями императора в провинциях, не имевших в этот момент стратига, либо посланниками василевса с контролирующими за действиями областных правителей функциями. Последнее подтверждается анализом сообщения Константина Багрянородного о конфликте между *’Ек просытов* императора, протоспафарием и асикритом (секретарем императорской канцелярии) Евстафием и катепаном мардаитов Ставракием Платисом в начале X в. [57, с. 228-231]. В обязанности Ставракия, назначенного Константинополем для управления областью расселения мардаитов, составлявших элиту военно-морской фемы Кивирреотов, входили не только военно-политические, но и фискальные задачи: контроль за сбором налогов на вверенной ему территории. Возможно, злоупотребления катепана в этом вопросе и послужили

⁴ О многозначии титула “архонт” в византийских источниках см.: 55, р. 54-59; 56, р. 342-343; 57, с. 291; 39, с. 312.

настоящей причиной конфликта [57, с. 443]⁵. Суть же характера взаимоотношений представителей центрального и провинциального управления содержится в словах Евстафия: “Фема Кивирреоты не может иметь двух стратигов, то есть меня и Ставракия, катепана мардаитов...” [57, с. 228-229]. Заметим, что несмотря на свои широкие полномочия, *Ἐκ προσώπου* не имел права сместить оппонента. Лишь сам василевс, получив его послания, передал обязанности катепана своему личному представителю. Такие же контролирующие функции, но от имени высших чиновников центральных министерств империи, исполняли чиновники с титулом *Ἐκ προσώπου του δρομου* [58, с. 209] и *Ἐκ προσώπου των ἀγέλων* [56, с. 338], известные по данным сфрагистики. Первый принадлежал ведомству “логофета дрома”, отвечавшему за сохранность дорожной сети, работу почтовой службы и ведавшему иностранными сношениями [56, р. 311-312], второй – ведомству “логофета стад”, заведовавшему вопросами разведения и поставки лошадей и вьючного скота в армию во время военных кампаний [56, р. 338]. Как и в случае с *Ἐκ προσώπου στρατηγού*, оба отсутствуют в постоянном штате логофисий [56, р. 116-117]. Поэтому есть все основания видеть в них специальных представителей центральных ведомств в провинциях с функциями контролирующего или ревизионного характера⁶.

Τοποτεριτ. В Новеллах Юстиниана I так обозначены специальные представители императоров в провинциях, контролирующие один или несколько городских округов [71, р. 151, 332; 72, р. 759, 1312]. Позднее должность “топотерита” становится типичной для организации профессиональной столичной армии (тагм) и флота. В Тактиконах Ф.И.Успенского и Филофея известны два разряда топотеритов. Во-первых, так назывались первые заместители командующих тагм схол, экскувитов, арифм, иканатов, нумеров и “стен”, друнгария столичного флота, доместика Оптиматов, принадлежащие ко второму классу государственных служащих, классу спафарокандидатов [56, р. 54-57, 110-119, 148-151, 170-175, 178-179, 182-183, 209, 232-233; 60, р. 26; 55, р. 100, 119]. Во-вторых, такое же звание носили чиновники более низшего ранга (класс спафариив) – командиры отдельных эскадр императорского флота и подразделений тагм, действовавших в отдалении от столицы [56, р. 58-59, 110-111, 150-151; 55, р. 124, 127; 60, р. 30-31; 67, р. 129]⁷. Для нашего экскурса более важны те изменения в содержании термина “топотерит”,

⁵ Стратиг военно-морской фемы Кивирреотов впервые упоминается в 732 г. Территориально она охватывала южное побережье Малой Азии и часть островов Эгейского моря с центром в Атталии. Мардаиты, христианское население горного Ливана, были расселены в Атталии и Памфилии по византийско-арабскому мирному договору 688 г. Позднее они привлекаются к службе в византийском флоте, расквартированном также в Пелопоннесе и на Кефалонии [63, с. 74-75; 55, р. 31, 81-83, 108; 64, р. 86-88; 56, р. 351; 65, р. 12, 17].

⁶ Исчезают из списков официальных должностных лиц Византии к концу X в. Они отсутствуют в Эскуриальском Тактиконе (между 971-975 гг.) [56, р. 261-276]. В то же время нарративные источники, в первую очередь “Советы и рассказы Кекавмена” (гл. 37), продолжают фиксировать мелких фискальных и судебных чиновников в городах и отдаленных провинциях империи с функциями, вероятно, временного характера [60, р. 41-42; 67, р. 132; 68, с. 196-199, 464; 69, р. 284].

⁷ Два разряда “топотеритов” отмечены также в трактате Константина Багрянородного “О церемониях византийского двора” [62, с. 122, 124]. О проблемах образования и особенностях внутреннего устройства наиболее важных тагм (схол, экскувитов, арифм, иканатов) см.: 59, р. 353-354; 60, р. 24-32; 56, р. 329-332; 65, р. 26-29; 73, р. 28-31, 102-105. Доместик нумеров и доместик (или комит) возглавляли службы, отвечавшие за охрану тюрем и стен императорского дворца в Константинополе [56, р. 336-337]. О друнгарии *ρλοίμον*, главе императорского флота, базировавшегося в столице, см.: 55, р. 73-76, 98-102. О так называемой феме Оптиматов, структура которой совпадала с внутренней организацией столичных тагм, но византийские (Константин Багрянородный “О фемах”) и арабские (Ибн Хордадбех, Кудама) авторы помещали ее в разряд фем, см.: 27, с. 346-366; 56, р. 339.

которые произошли в ходе т.н. “провинциальной реформы X-XI вв.”⁸. В Эскуриальском Тактиконе, помимо традиционных “топотеритов” (офицеров тагм и центрального флота), появляется новый разряд чиновников – “топотериты фем” [56, р. 272-273]. При объяснении содержания этой должности следует помнить, что к этому времени термин “фема” постепенно утрачивает свое классическое значение военной и военно-административной единицы и становится обычным обозначением фискального округа или просто географической области [60, р. 79, 85; 77, с. 7, 156]. Последняя могла охватывать часть территории новых военных дукатов и катепанатов; в этом случае топотерит становился на ней представителем главнокомандующего с полным объемом полномочий. Однако, очевидно, что существовали фемы, топотерит которых не был подчинен дукату или катепану [56, р. 344-345; 61, с. 93]. Некоторые из них выполняли свои обязанности в условиях значительной автономии, сложности коммуникаций с империей и гостоянного вражеского окружения, фактически являясь личным представителем центральной власти в союзных империи областях. Таких топотеритов в источниках могли иногда называть “топархами” – термином, который обычно использовался византийцами по отношению к самостоятельным, но союзным Византии приграничным иноземным правителям [78, р. 215-224].

Таким образом, для византийских авторов “гудун” Херсона в начале VIII в., несомненно, представитель хазарской власти. Он является посланником кагана в городе, главным образом, с функциями контролирующего и ревизионного характера, как византийский топотерит X-XI вв., хазарским чиновником, который выполняет свои обязанности в иноэтнической области, зависимой от каганата, но *сохранявшей свою внутреннюю автономию*. Это свидетельствует, скорее, о временном, исключительном характере миссии “гудуна” в городе, который сохранял традиционные политические и торгово-экономические связи с Византийской империей на протяжении второй половины VII – первой половины VIII вв. Не претендуя на исчерпывающий перечень письменных и материальных свидетельств в пользу данного положения, приведем лишь наиболее важные.

В церковно-административном плане Херсон продолжал входить в состав Зихийской епархии, охватывавшей прибрежные области Таврики и северо-западного Причерноморья (Not. I, ок. 680 г.) [79, р. 215]. Подпись “Георгия, недостойного епископа Херсона Дорантского (Дорийского)” под актами Трулльского собора 692 г. [80, р. 992; 81, S. 151], очевидно, свидетельствует о церковной юрисдикции херсонского епископа над областями горного и южнобережного Крыма. Вероятно, VII в. датируются моливдовулы херсонских (?) епископов Стефана и Диогена [82, с. 208, № 31, 32], к первой половине следующего столетия относится печать епископа Херсона Захарии [83, с. 161, № 10; 84, с. 127].

⁸ В ходе т.н. “провинциальной реформы X-XI вв.” произошла, во-первых, замена крестьянских ополчений фем отрядами тагм и наемников с тенденцией их постоянной дислокации на наиболее опасных с военно-политической точки зрения направлениях. Характерная особенность эпохи – т.н. “фискализация” стратий, т.е. замена непосредственной военной службы выплатой соответствующего налога. Во-вторых, появляются “малые” (“армянского” или “акритского” типа) фемы, территория которых порой охватывала город с округой, вместо больших “ромейских”. В-третьих, в пограничных районах возникают большие комендантства во главе с дукатами или катепанами, объединявших в своих руках военное и порой гражданское управление нескольких административных округов (“стратигий”) или военные отряды, расположенные на их территории. Наконец, высшая военная власть в империи распределена между domestиками схол Запада и Востока с их штабами. О содержании провинциальной реформы X-XI вв. подробнее см.: 60, р. 46-52, 55-66, 82-91; 74, р. 285-302; 75, р. 641-645; 76, с. 68-80; 66, р. 141-152.

Ввиду лояльности Херсона политике центральной власти он оставался местом ссылки политических преступников. Так, в правление Ираклия (610-641) сюда для отбывания наказания были отправлены Феодор (ум. ок. 655 г.) и Евпрепий (ум. ок. 667 г.), известные по Схолии об их Кратком Житие из коллекции Анастасия Библиотекаря [15, с. 188; 113, р. 78], при Константе II (641-668) в 655 г. – римский папа Мартин [15, с. 189; 113, р. 77-78; 3, с. 60; 17, с. 173-190], при Леонтии (695-698) в 695 г. – экс-император Юстиниан II (685-695; 705-711) [3, с. 62, 163], в 711 г., в период второго правления последнего – армянин Вардан, будущий император Филиппик II (711-713) [3, с. 64, 164]. С территории городища происходят моливдовулы разнообразных корреспондентов Византийской империи: императора Ираклия [85, с. 148, рис. 1,9], византийских сановных лиц различного ранга – “Стефана ипата” (VII в.), “патрикиев” Мариана (VII в.), Теособия (VIII в.), Плотина (VIII в.), “кандидата и спафария” Георгия (650-750 гг.), “императорского магистриана” Анфима (конец VII – начало VIII вв.)⁹, императорского “нотария” Феодота (VII в.?) [82, с. 208-210, 213, № 27, 35, 37-39, 56, 57].

На протяжении указанного столетия Херсон сохранял регулярные торгово-экономические связи с Византией, будучи включенным в таможенную и финансовую систему империи. С территории городища происходят моливдовулы “...главного коммеркиария аптеки Константинополя” (688-689 гг.), “Исидора коммеркиария” (VII в.) [82, с. 206, № 10, с. 208, № 26], “Стефана, патрикия и коммеркиария аптеки” (659-668 гг.) [86, с. 123, № 1]. Коммеркиарий – государственный финансовый инспектор, ведавший сбором “коммеркия”, торговой 10% пошлины с обращения и сбыта товаров. Кроме того, он являлся управляющим торговых складов (“апотек”), где хранились подати натурой. Входил в ведомство “логофета геникона” [56, р. 313; 87, с. 119]. Указанные таможенные чиновники хорошо известны во многих портовых центрах Византийской империи [88, р. 177-178]¹⁰. Среди печатей коммеркиариев, найденных на территории городища, определен интерес вызывает, к сожалению, плохо сохранившийся моливдовул, принадлежащий “архонту” [влаттия и главному коммеркиарию] (739-751 гг.) [82, с. 206, № 11], чиновнику, который заведовал государственными мастерскими по производству шелковых тканей, окрашенных в пурпурный цвет [115, р. 50-51]. Не исключено, что печать находилась на тюке с тканями производства константинопольских мастерских [82, с. 202]. Такую же функцию выполняла таможенная односторонняя пломба с именем Феодора [коммеркиария?] (659-668 гг.) [86, с. 123, № 2]. Торговые операции Херсона с Константинополем контролировались морской таможней Иерона, о чем свидетельствует печать, принадлежащая “Фо... буллотуру Иерона” (ок. середины VIII в.) [86, с. 126, № 3]. Как известно, этот чиновник входил в ведомство столичного епарха, опечатывая от его имени товары, подлежащие таможенному досмотру [56, р. 321]. О сохранении традиционных торгово-экономических связей Херсона с различными городами Византийской империи свидетельствуют также археологические источники [21, с. 319-331; 16, с. 164-170; 89, с. 92-96; 90, с. 162-168].

⁹ Появление печати “магистриана” в Херсоне, возможно, связано с какими-то вопросами дипломатического характера. Именно чиновник с этим титулом возглавлял императорскую миссию при подписании византийско-арабского договора 688 г. [57, с. 82-83, 349].

¹⁰ О происхождении должности “коммеркиарий”, эволюции ее содержания подробнее см.: 115, р. 33-50.

Управление городом на рубеже VII-VIII вв. осуществлялось советом из 68-ми по Феофану (48-ми у Никифора) протевоноров (“первенствующие”) во главе с протополитом (“первый гражданин”, *primus civium* у Анастасия Библиотекаря) [3, с. 64]. Безусловно, в число “протевоноров”, которых позднее Константин Багрянородный назвал “отцами города” [57, с. 172-173], входили наиболее влиятельные и состоятельные жители Херсона, избиравшие из своей среды на определенный срок “протополита” – главу местного самоуправления [43, с. 24; 91, с. 122; 37, с. 297; 38, с. 308]¹¹. Такой характер муниципального устройства вполне соответствует общевизантийским стандартам раннесредневекового времени. В условиях глубокого кризиса полисной организации решающую роль в жизни и управлении городов империи начинает играть земледельческая и торгово-ремесленная знать (“ктиторы”, позднее “динаты”), верхушку которой, контролировавшую деятельность городских советов и собраний знати, уже с IV в. называют в нарративных источниках “первенствующими” (*πρωτεύοντες*, *πρώτοι τῆς πόλεως* и т.д.) [98, с. 197-201, 204; 99, с. 228-232]. В их обязанности входила не только проверка городской отчетности и общее руководство хозяйственной жизнью города, но и выборы высших должностных лиц муниципальной администрации, а также формирование списка кандидатов в епископы. В нарративных источниках “протевоноры” (*πρωτεύοντες*, *πρώτοι τῆς πόλεως* или близкие по значению термины – *πρωῦχοιτες*, *πρωπρωτεύοντες* и т.д.) продолжают отмечаться, по крайней мере, до X-XI вв. [100, с. 76; 98, с. 201, 204; 101, с. 124-125; 102, с. 18; 103, р. 37-38; 104, р. 268-274; 105, р. 236; 106, с. 91-93; 91, с. 122]. В документах этого времени “первенствующих” все чаще отождествляют или включают в число провинциальных “архонтов” империи. Однако, здесь нет никакого противоречия. Термин “архонт” приблизительно с X в. теряет традиционно обязательную в более раннее время связь с государственной службой и обозначает теперь всех реально властвующих, верхушку господствующего класса [107, с. 71, 73, 85; 108, с. 168, 174]. Поэтому, в этом смысле “протевоноры” X-XI вв. – византийские “архонты”, связанные с городской жизнью.

Приведенные свидетельства о неизменном в целом характере взаимоотношений Херсона с Византийской империей, в условиях реального присутствия в городе специального чиновника, представлявшего интересы хазар в регионе, несомненно, отмечают его своеобразное политико-административное положение в 705-711 гг. в системе византийско-хазарских отношений. Проблема заключается в значительных сложностях, которые возникают у исследователей при попытке адекватно выразить этот статус с помощью современной терминологии. Поэтому лишь в качестве рабочей гипотезы мы готовы присоединиться к точке зрения, согласно которой статус Херсона в указанном промежутке времени определяется как город, расположенный в зоне “кондоминантного”

¹¹ Нерешенной в историографии остается проблема происхождения и наименования, применительно к общеимперской традиции, высшей магистратуры Херсона на рубеже VII-VIII вв. – “протополита” города. Одни историки полагают, что высший магистрат города носил титул “протевон”. Именно так называют теперь возглавлявшего в первые века н.э. военное и гражданское управление Херсонесом “первого архонта” [92, с. 42-44, 61-63; 93, с. 20-33, 36-41; 94, с. 22-23; 95, с. 33]. По иной версии, муниципальную администрацию города в это время возглавляло лицо с титулом “отец города” (*πατήρ τῆς πόλεως*) [96, с. 161-166; 97, с. 58]. Сторонники обеих точек зрения исходят из неизменности структуры высшего городского управления на протяжении IV-X вв., что дает им возможность расширить круг привлекаемых источников. Тем не менее, их число столь невелико, что делать какие-либо серьезные выводы до появления новых материалов нам представляется преждевременным. На сегодняшний день наиболее корректной, при обозначении муниципального главы Херсона на рубеже VII-VIII вв., остается формулировка, восходящая к нашим первоисточникам, т.е. “протополит”.

управления Византийской империи и Хазарского каганата. На наш взгляд, такая формулировка при обозначении институционального положения византийского форпоста в Таврике в начале VIII в. объясняет некоторые противоречия в сведениях источников относительно его политико-административного состояния. Кроме того, кондоминантная форма провинциального управления не является совершенным новшеством, если обратиться к административной практике Византии, особенно на восточных окраинах империи. Не имея достаточной военной возможности воспрепятствовать экспансии своих противников (арабов, хазар), в конце VII в. византийская дипломатия обратилась к поискам новых форм сотрудничества как с "завоевателями", так и с населением лимитрофных областей. Результатом стало появление "кондоминиума" как формы провинциального управления: византийско-арабского (в Армении, Иверии, на Кипре) и византийско-хазарского (Кавказская Албания, приморские и горные области Таврики).

На сегодняшний день недостаток источниковедческой базы не позволяет в полной мере раскрыть внутренний механизм функционирования этой системы. Очевидно, что в различных регионах она отличалась как для сторон, заключавших соглашение, так и для населения кондоминантной зоны. Кондоминиум мог быть исключительно фискальным. Примером является положение Кавказской Албании, правитель которой Вараз-Трдат, по Мовсесу Дасхуранци, около 684 г. "платил подать трем народам – хазарам, таджикам [арабам] и грекам [византийцам]" [109, с. 154]. Условия двойного владения могли быть более разносторонними. Примером такого кондоминантного управления служит остров Кипр в период с 688 по 965 гг., о чем выразительно свидетельствуют византийские и арабо-персидские источники [110, р. 1006-1014; 56, р. 353; 111, р. 9-17; 114, р. 149-172].

Константин Багрянородный сообщает, что одним из условий византийско-арабского договора 688 г. являлся пункт о равном распределении налогов "с Кипра, Армении и Иверии" между Юстинианом II и халифом Абд ал-Маликом (685-705). Магистриан Павел был отправлен к арабам "для утверждения согласованного, и была составлена письменная при свидетелях крепость" [57, с. 82-83]. Ал-Масуди, рассказывая о византийской экспедиции на остров в конце правления Льва VI Мудрого (886-912), также упоминает "договор, который был заключен еще в начале ислама, относительно того, что они [т.е. киприоты] не должны были помогать ни грекам против мусульман, ни мусульманам против греков, и что харадж [поземельный налог] острова [должен быть платим] наполовину мусульманам, наполовину грекам..." [112, с. 32]. Таким образом, по условиям византийско-арабского соглашения, характерными чертами кондоминиума на Кипре были, во-первых, нейтральный в целом административный статус острова, не принадлежавшего официально ни одной из сторон договора и управлявшегося, очевидно, местными органами власти. Выполнение условий договора контролировались специальными византийскими и арабскими чиновниками. С византийской стороны среди таких в источниках фигурируют "эпарх", "архонт" [110, р. 1009; 56, р. 57; 114, р. 171]¹². Во-вторых, демилитаризованная зона, в пределах которой участникам соглашения запрещалось иметь постоянные военные контингенты. В то же время морские порты острова могли служить местом стоянок эскадр флота Византии и арабов [110, р. 1012-1013]. В-третьих, поземельный налог и доходы от ведения торговли выплачивались местным населением поровну представителям империи и халифата.

¹² Сборщик поземельного налога в империи, входивший в ведомство логофета геникона [56, р. 313]. Говоря о сохранении связей Кипра с Византией, следует вспомнить сообщение Феофана о ссылке на остров около 770 г. иконопочитателей (монахов и монахинь) из Фракийской фемы [110, р. 1012].

Мы далеки от мысли, что условия кондоминантного управления Херсоном в 705-711 гг. между Византийской империей и Хазарским каганатом были идентичны указанному договору. Тем не менее, содержание отмеченных отрывков из Феофана и Никифора показывает, что основные пункты византийско-арабского соглашения в Средиземноморье могли иметь место и в Херсоне: сохранение самоуправления, демилитаризованность зоны, таможенные привилегии хазар при ведении торговых операций в городе. Косвенным подтверждением последнего является упоминание византийскими авторами логофета геникона во главе посольства, которое в 711 г. должно было уладить конфликт мирным путем, возможно, с помощью нового таможенного соглашения с городом и хазарами¹³.

После воцарения Филиппика II “тудун” исчезает как должностное лицо в системе городского управления Херсоном. Других свидетельств о хазарской зависимости города в нашем распоряжении нет. Поэтому закономерно заключение о кратковременности византийско-хазарского кондоминиума в Херсоне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Noonan T.S. Byzantium and the Khazars: a special relationship? // *Byzantine Diplomacy*. London, 1992.
2. Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь, 2001. Вып. II.
3. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М., 1980.
4. Mango C. Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Washington, 1990.
5. Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. Berlin, 1958. Bd.2.
6. Бешевлиев В. К вопросу о награде, полученной Тервелем от Юстиниана II в 705 г. // *ВВ*. 1959. Т.16.
7. Цанкова-Петкова Г. О территории Болгарского государства в VII-IX вв. // *ВВ*. 1960. Т.17.
8. Golden P. B. *Khazar Studies: an Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Budapest, 1980. Vol. 1.
9. Каждан А.П. История византийской литературы (650-850 гг.). СПб., 2002.
10. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
11. Лев Диакон. История. М., 1988.
12. Бибиков М.В. Развитие исторической мысли // *Культура Византии*. 2-я половина VII - XII вв. М., 1989.
13. Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.
14. Howard-Johnston J. Byzantium, Bulgaria and the Peoples of Ukraine in the 890s. // *МАИЭТ*. 2000. Вып. VII.
15. Васильев А.А. Готы в Крыму // *ИГАИМК*. 1927. Т. 5.
16. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
17. Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // *Причерноморье в средние века*. М., 1991.
18. Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // *МИА*. 1958. №85

¹³“Логофет геникона” – глава высшего фискального ведомства Византии в VIII-XI вв., заведовавшего распределением и сбором налогов по всей территории империи. В письменных источниках эта должность, как главы специальной финансовой службы, впервые фиксируется в конце первого правления императора Юстиниана II (685-695), однако, точную дату учреждения логофисии назвать пока трудно [56, р. 313; 116, р. 12-13]. О происхождении, содержании и организационной структуре ведомства “логофета геникона” подробнее см.: 116, р. 11-24.

19. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
20. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
21. Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII-XII вв. // *Byzantinobulgaria*. Sofia, 1981. Т.VII.
22. Романчук А.И., Седикова Л.В. "Темные века" и Херсон: проблема репрезентативности источников // *Византийская Таврика*. Киев, 1991.
23. Сорочан С.Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII-IX вв. // *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь, 1995.
24. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
25. Сорочан С.Б. Мифы и реалии Херсонесского хлебного экспорта // *Древности-1994*. Харьков, 1994.
26. Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в. // *ЖМНП*. 1898. № 2.
27. Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т.III (602-717 гг.).
28. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 2002.
29. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
30. Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazars. Princeton; New Jersey, 1954.
31. Герцен А.Г., Мораричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // *АДСВ*. 1999. Вып.30.
32. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // *ЖМНП*. 1878. № 1.
33. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // *МАИЭТ*. 1990. Вып. I.
34. Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // *История и археология Юго-Западного Крыма*. Симферополь, 1993.
35. Сорочан С.Б. Византия IV-IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998.
36. Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1999.
37. Дагрон Ж. Двухликий Крым (IV-X вв.) // *МАИЭТ*. 2000. Вып.VII.
38. Зайбт В. Государственная система управления Херсона в VII-VIII вв. // *МАИЭТ*. 2000. Вып.VII.
39. Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // *МАИЭТ*. 2000. Вып.VII.
40. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
41. Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // *МАИЭТ*. 1993. Вып.III.
42. Гадло А.В. Тмутороканские этюды. I // *Вестник ЛГУ*. 1989. Вып.1.
43. Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // *Древности-1996*. Харьков, 1997.
44. Herrin J. The context of iconoclast reform // *Iconoclasm*. Birmingham, 1975.
45. Куник А.А. О записке готского топарха // *ЗАН*. 1874. Т. 24.
46. Брун Ф. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // *Черноморье*. Одесса, 1879. Ч.2.
47. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
48. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
49. *Etimologicon Magnum*. Amsterdam, 1967.
50. Авенариус А. Авары и славяне. "Держава Само" // *Раннефеодальные государства и народности*. М., 1981.
51. Голден П.Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов // *Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти*. М., 1993.
52. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
53. Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // *Вопросы археологии Казахстана*. Алматы, 1998. Вып.2.
54. Дайм Ф. История и археология авар // *МАИЭТ*. 2002. Вып.IX.
55. Ahrweiler H. *Byzance et la mer*. Paris, 1966.
56. Oikonomides N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris, 1972.

57. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
58. Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991.
59. Bréhier L. Les institutions de l'Empire Byzantin. Paris, 1949.
60. Glukatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX-XI s. // BCH. 1960. T.84. №1.
61. Йорданов И. Печатите от стратегията в Преслав (971-1088). София, 1993.
62. Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т.3.
63. Ферлуга Ж. Ниже војно-административне јединице тематског уређена // ЗРВИ. 1953. Т.36. Кн.2.
64. Antonianidis-Bibicou H. Études d'histoire maritime de Byzance. A propos du "Thème des Carabisiens". Paris, 1966.
65. Treadgold W.T. The Byzantine Revival. 780-842. Stanford, 1988.
66. Oikonomides N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire Byzantine au XIe s. (1025-1118). // Byzantium from the Ninth Century to the Fourth Crusade. Vermont, 1992.
67. Guillou A. Le Lucanie Byzantine. Etude de géographie historique // Studies on Byzantine Italy. London, 1970.
68. Советы и рассказы Кекамена. М., 1972.
69. Oikonomides N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe – XIe s.). Athenes, 1996.
70. Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI-XII вв. М., 1960.
71. Jones A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1967.
72. Jones A.H.M. The Later Roman Empire (284-602). Baltimore, 1992.
73. Treadgold W. Byzantium and Its Army (284-1081). Stanford, 1995.
74. Oikonomides N. L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe-XI s. et le Tactikon de L'Escorial // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines. Bucarest, 1974.
75. Wasilewski T. Le katepanikon et le duché de Paristrion au XIe s. // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines. Bucarest, 1974.
76. Арутюнова-Фиданян В.А. Административные перемены на востоке Византии в X-XI вв. (к вопросу о “кризисе” феодного строя) // ВВ. 1983. Т.44.
77. Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
78. Cheynet J.-C. Toparque et Topotèrètès a la fin du 11e s. // REB. 1984. Т.42.
79. Darrouzès J. Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
80. Mansi J.D. Sacrorum Consiliorum Nova et Amplissima Collectio. Graz, 1960. V.13.
81. Ohme H. Das Cosilium Quin'sextum und seine Bischöfslisten. Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. Berlin; New York. 1990.
82. Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т.52.
83. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып.V.
84. Смычков К.Д. Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ. 1999. Вып.30.
85. Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности-1997-1998. Харьков, 1999.
86. Алексеенко Н.А. Моливдовулы адресантов Херсона VII-XI вв. (новые находки) // Древности-1996. Харьков, 1997.
87. Шандровская В.С. Таможенная служба в Сугдее VII-X вв. // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып.27.
88. Ahrweiler H. L'escale dans le monde Byzantin // H. Ahrweiler. Byzance: les pays et les territoires. London, 1976.
89. Романчук А.И. К истории Херсона VII в. // АДСВ. 2000. Вып. 31.
90. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 2001. Вып.VIII.
91. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V-VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСб. 1998. Вып.9.

92. Латышев В.В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1884. №6.
93. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.
94. Соломоник Э.И. Государственный строй Херсонеса в эллинистический период и первые вв. н.э. // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т.2.
95. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981.
96. Храпунов Н.И. О взаимоотношении византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *πατέρες της πόλεως* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999.
97. Храпунов М.И. Адміністрація Херсона наприкінці IV-VI ст. // Археологія. 2000. №1
98. Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. Л., 1971.
99. Фихман И.Ф. Оксиринх – город папирусов. М., 1976.
100. Сюзюмов М.Я. О социальной сущности законодательства “Василик” // ВВ. 1953. Т.6.
101. Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X-XI вв. М., 1977.
102. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII - середина XIII вв. М., 1984.
103. Каждан А.П. Город и деревня в Византии в XI-XII вв. // Actes du XII Congrès International D'Études Byzantines. Beograd, 1963. Т.I.
104. Панов В. Городское самоуправление в Охриде в правление Алексея I Комнина // Actes du XV Congrès International D'Études Byzantines. Athènes, 1980. Т.IV.
105. Angold M. Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the Cities of the Later Byzantine Empire // The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries. Oxford, 1984.
106. Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997.
107. Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984.
108. Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986.
109. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. Л, 1979.
110. Jenkins K.J.H. Cyprus between Byzantium and Islam // Studies Presented to D.M.Robinson. Washington, 1953. XI.
111. Kyrris C.P. Cyprus and the Black Sea in the Early Middle Ages an Outline // Bulgaria Pontica Medii Aevi. Sofia, 1992.
112. Васильев А.А. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902. Ч.II.
113. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.
114. Kyrris C.P. The Nature of the Arab-Byzantine Relations in Cyprus from the Middle of the 7th to the Middle of the 10th Century A. D. // Graeco- Arabica. 1984. №3.
115. Oikonomides N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP. 1986. V.40.
116. Guiland R. Les Logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin // REB. 1971. Т.29.

NAUMENKO V. YE.
KHAZAR “TUDUN” IN CHERSON AT THE BEGINNING OF THE 8TH CENTURY:
BYZANTINE VERSION

Summary

The problem of status of the regions in Taurica, which appeared in the sphere of contacts between the Byzantine Empire and Khazar Khaganate, is still not sufficiently studied in modern historiography. In this work only some problems are studied. They are the problems connected with the earliest experience of interrelations of Byzantium and the Khazars on the peninsula. It expressed itself in the form of reorganization of upper administrating in Cherson, a traditional center of Byzantine presence in Taurica, at the beginning of the 8th century.

According to the reports of Byzantine authors the administration of the city on the turn of the 7th – the 8th centuries was carried out by the Council of proteuontes (taking precedence), with protopolites at the head. Obviously, the most influential and well-off residents of Cherson were ‘proteuontes’, in their midst they elected ‘protopolites – the head of local self-government for a certain period. Among those who exercised the upper power in the city in the period between 705 and 711 ‘tudun’, ‘archon’ of Cherson was named.

G.Moravcsik and P.Golden realized special summary of mentioning the title of ‘tudun’ in different sources. Provincial deputies in the board of administration of the nomad empires of the Avars, Kek-Turks and the Khazars were called ‘tuduns’. Posts and functional responsibilities of an official with the title of ‘tutuk’ (‘tudun’) in the system of governing the Turkic Khaganate conquered regions with different ethnic population are precisely shown in a Chinese chronicle “Tso T’ang-shun” dating back to the 10th century (“Old history of Tan dynasty”). According to the content of the document, originally one of the most important functions of ‘tudun’ was the control over the punctual discharge of fiscal liabilities of the governors over subjected people. However, his permanent presence in a different ethnic environment turned him into a plenipotentiary representative of a Turk cagan, a so-called deputy between the latter one and the population of dependent region, who could perform other duties as well on behalf of his patron, including interference in administering them. For Byzantine authors the title of ‘tudun’ was undoubtedly a borrowing in the course of direct contact of the Empire with representatives of nomad world. An attempt to comprehend its meaning is represented by using a parallel, understood by the Byzantine, administrative titling in the text. Theophanes names ‘tudun’ as ‘archon’ and ‘ek prosopy; Nicephorus – only as ‘archon’, the author of Greek dictionary of the 10th century – as ‘topoterites. The comparison of the content of the mentioned titles shows that for Byzantine authors ‘tudun’ of Cherson at the beginning of the 8th century was undoubtedly a representative of the Khazar authority. He is an envoy of Khagan in the city, mainly with the functions of control and inspection, as Byzantine topoterites of the 10th – 11th centuries as a Khazar official who executed his responsibilities in a region with different ethnos which depended on Khaganate but *preserved its internal autonomy*. It testifies to the fact that the mission of ‘tudun’ in the city was temporary and of quite an exclusive character.

The status of Cherson in 705–711 most correctly should be defined as a city situated in the zone of double (condominant) rule of Byzantine Empire and the Khazar khaganate. Such an institution of a Byzantine outpost in Taurica was not a perfect innovation if you turn to administrative practice of Byzantium in the eastern outlying districts of the Empire. As military potential was not enough to withstand the expansion of the rivals (the Arabs, Khazars) at the end of the 7th century Byzantine diplomacy turned to searching new forms of co-operation with the ‘conquerors’ as well as with the population of limnithrophic regions. That resulted in the appearance of ‘condominium’ as a form of provincial administering: Byzantine – Arabic (in Armenia, Iveria, on Cyprus) and Byzantine – Khazar (Caucasus Albania, seaside and mountainous regions of Taurica).

After the events of 710–711 ‘tudun’ as an official in the system of city administration in Cherson disappears. There is no other evidence about the Khazarian dependency of the city. So it is in order to conclude that the period of Byzantine – Khazarian condominium in Cherson was rather short.